

**ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
Вып. 25

ПАЛЕОСЛАВИСТИКА – 6

**Ответственный редактор
В. С. ЕФИМОВА**

**Москва
2025**

УДК 811.16

ББК 81.41

С 47

Редколлегия выпуска / Editorial board of the issue

д-р филол. наук В. С. Ефимова (ответственный редактор) /

DSc. (Philology) Valeriya S. Efimova (Executive Editor),

канд. ист. наук А. А. Турилов / PhD. (History) Anatolij A. Turilov

Редколлегия серии / Editorial board of the series

д-р филол. наук А. Ф. Журавлев (ответственный редактор) /

DSc. (Philology) Anatolij A. Zhuravlev (Executive Editor),

д-р филол. наук В. С. Ефимова / DSc. (Philology) Valeriya S. Efimova,

д-р филол. наук И. А. Седакова / DSc. (Philology) Irina A. Sedakova,

д-р филол. наук, акад. РАН С. М. Толстая /

DSc. (Philology), Acad. RAS Svetlana M. Tolstaya,

д-р филол. наук Т. В. Цивьян / DSc. (Philology) Tatjana V. Tsivjan

Рецензенты / Reviewers

канд. филол. наук И. И. Макеева / PhD. (Philology) I. I. Makeeva,

канд. филол. наук И. В. Вернер / PhD. (Philology) Inna V. Verner

С 47 Славянское и балканское языкознание. Вып. 25: Палеославистика – 6: Международная коллективная монография / Отв. ред. В. С. Ефимова. Москва: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2025. – 312 с.

Том «Палеославистика – 6» серии «Славянское и балканское языкознание» представляет собой монографию международного коллектива авторов. Разделы коллективной монографии посвящены обсуждению новейших результатов текущих исследований славянских рукописей X–XIV вв. – их языка, текстологии и палеографии.

The volume of the “Slavic and Balkan Linguistics” series presents the monograph “Palaeoslavistica – 6” written by the international team of researchers. The sections of the co-authored monograph are devoted to the latest results of the ongoing research of the Slavic manuscripts written in the 10th–14th centuries, their language, textology, and palaeography.

ISSN 2658-3372

ISBN 978-5-7576-0525-8

DOI: 10.31168/2658-3372 (серия)

DOI: 10.31168/2658-3372.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025

© Коллектив авторов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Предисловие / Preface.....	7
<i>Виктор Савич</i> . Будапештский глаголический отрывок: новые взгляды <i>Viktor Savić</i> . Budapest Glagolitic Fragment: New Perspectives.....	13
<i>А. Д. Паскаль</i> . Неизвестный фрагмент славяно-молдавского списка молитвы Богородице Петра Черноризца <i>Alexander D. Pascal</i> . Unknown Fragment of the Slavonic-Moldavian Copy of the Prayer to the Virgin Mary by Peter Chernorizets.....	45
<i>К. В. Вершинин</i> . Компиляция об Антихристе в Скалигеровом патерике XIII в. <i>Konstantin V. Vershinin</i> . Compilation about the Antichrist in the Scaliger Patericon of the 13 th Century.....	58
<i>Г. С. Баранкова</i> . Какой список Шестоднева лег в основу Архивского Хронографа? <i>Galina S. Barankova</i> . Which Hexaemeron Copy Formed the Basis of the Archive Chronograph?	77
<i>А. В. Сизиков</i> . Ранняя редакция древнейшего перевода книги Сираха в поздних списках <i>Aleksandr V. Sizikov</i> . An Early Edition of the Oldest Slavonic Translation of Ben Sira in Later Copies.....	98
<i>Йоханнес Райнхарт</i> . Хорватская традиция апокрифа «Прение Иисуса с дьяволом» (BHG 812f-g) <i>Johannes Reinhart</i> . The Croatian Tradition of the Apocryphon Iesu Contentio cum Diabolo (BHG 812f-g).....	119
<i>Виктория Легких</i> . Служба святым страстотерпцам Борису и Глебу как модель русской княжеской службы <i>Victoria Legkikh</i> . Service to SS. Boris and Gleb as a Model of Russian Princely Service.....	134
<i>Барбара Ломаджистро</i> . К вопросу о жанре Толковой Палеи <i>Barbara Lomagistro</i> . Some Remarks on the Paleya Tolkovaya Literary Genre..	170

<i>А. Л. Лифшиц. Афанасий Никитин и его путеводители по Индии</i> <i>Alexander L. Lifshits. Afanasy Nikitin and his Indian Travel Guides.....</i>	195
<i>Г. А. Мольков. Орфографические данные о новгородском пономаре Тимофее</i> <i>Georgiy A. Molkov. Orthographic Data about the Novgorod Sexton Timofey.</i>	206
<i>В. С. Ефимова. К вопросу о десемантизации глаголов творити и сътворити</i> <i>Valeriya S. Efimova. On the Issue of Desemantization of the Verbs tvoriti and sätvoriti.....</i>	222
<i>Я. А. Пенькова. Конструкции с глаголами имѣти, имати и ѣти в древнерусской письменности XIII–XIV вв. в сопоставлении с древнесербской</i> <i>Yana A. Penkova. Constructions with the Verbs iměti, imati and jati in the 13th–14th-century Old Russian Writing in Comparison with Old Serbian.....</i>	238
<i>А. В. Григорьев. Существительные с суффиксом -ьб- в древнерусских рукописях XI–XIV вв.</i> <i>Andrei V. Grigorev. Nouns with the Suffix -ьb- in Old Russian Manuscripts of the 11th–14th Centuries.....</i>	265
<i>Ростислав Станков. Некоторые редкие сложные слова в Хронике Георгия Амартола</i> <i>Rostislav Stankov. Some Rare Composite Words in George Hamartolos' Chronicon.....</i>	276
<i>М. Н. Саенко. Праславянское *lědwj-: реконструкция семантики и формы</i> <i>Michail N. Saenko. Proto-Slavic *lědwj-: Reconstruction of the Semantics and Form.....</i>	283

Я. А. ПЕНЬКОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

**КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ *ИМѢТИ*, *ИМАТИ* И *ЯТИ*
В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XIII–XIV ВВ.
В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРЕВНЕСЕРБСКОЙ**

Предварительные замечания

Настоящая работа посвящена исследованию дистрибуции инфинитивных конструкций со вспомогательными глаголами *имѣти*, *имати* и *яти* в древнерусской письменности XIII–XIV вв. в сопоставлении с древнесербской. Конструкции с глаголами *имѣти*, *имати* и *яти* не раз подвергались изучению и описанию на материале древне- и старорусской письменности (Křížková 1960; Юрьева 2006; Юрьева 2011; Шевелева 2017; Пенькова 2019; Шевелева 2019; Пенькова 2021; Шевелева 2021; Пенькова 2023а; Пенькова 2023б; Шевелева 2024; Пенькова 2025). Перечислим тут лишь самые основные положения из указанных выше работ. Подробный обзор литературы по истории восточнославянских конструкций см. в (Пенькова 2025).

М. Н. Шевелева показала, что глагол *имѣти* для обозначения внешнего посессора не был характерен живому древнерусскому языку, последний следует относить к так наз. «быть-языкам», в противоположность «иметь-языкам» (см. обсуждение в (Isačenko 1974; Шевелева 2019)). При этом А. Исаченко указывает, что современный русский язык продолжает оставаться «быть-языком», в то время как украинский и белорусский занимают промежуточную позицию (Isačenko 1974).

Была неизвестна живому древнерусскому языку и конструкция *имѣти* (*имамь*) + инфинитив, которая употреблялась только в книжных памятниках (Юрьева 2006; Юрьева 2011; Шевелева 2017: 203). Она имела значение будущего времени с усиленной ассерцией (значение неизбежности, неотвратимости будущего события) (Козлов 2014). Ср.:

- (1) Аще сего пустиши, не имаша быти другъ кисареви (Ин. XIX, 12; Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку)¹.

На фоне текстов различной региональной принадлежности особо выделяются книжные памятники Северо-Запада, в которых конструкция *имамь* + инфинитив была редка (Юрьева 2011; Шевелева 2024).

Конструкции с глаголом *ѣти* (*иму*) + инфинитив фиксируются в восточнославянских памятниках с XIII в. (Юрьева 2011):

- (2) Сѡже имоуть сѧ бити роусь въ ризѣ и на гѣтьскомь берѣзѣ мечи или соуличами... ать оуправатьсѧ сами по своему соуду (Договор Смоленска с Ригой и Готландом («Договор неизвестного князя»), 1233–1240 гг.).

Согласно М. Н. Шевелевой, *иму* + инфинитив, в отличие от перифразы *имамь* + инфинитив, – конструкция с начинательным, а не модальным значением (Шевелева 2019). Как и *имамь* + инфинитив, она была малоупотребительна в текстах новгородского происхождения (Юрьева 2011). М. Н. Шевелева со ссылкой на Г. А. Хабургаева пишет о тенденции к формализации *иму* как показателя будущего времени, которая «реализовалась во многих вост.-слав. диалектах (украинских и в украинском литературном языке, а также русских, в особенности северо-восточных – ярославских, костромских, вологодских и др.)» (Горшкова, Хабургаев, 1981: 321–322; Шевелева 2021).

И. С. Юрьева со ссылкой на И. И. Срезневского указывает, что *имаю*-конструкции известны только западнорусским источникам и что между парадигмами *имати*, *имѣти* и *ѣти* возникала аттракция: «...формы глагола *имати* ‘братъ’ (не по исконной модели *имати*–*емлю*, а по новой модели *имати*–*имаю*), вероятно, в древнерусском языке стали соотноситься и с инфинитивом *имѣти* (наряду с *имати*) – точно так же, как и формы *имоу*, *имешь*» (Юрьева 2011). Согласно выводам исследовательницы, в поздних летописях формы типа *имамь* (вспомогательный глагол *имѣти*) могут проникать в контексты, типичные для форм типа *иму* (вспомогательный глагол *ѣти*), тем

¹ Здесь и далее в цитатах, которые приводятся по Национальному корпусу русского языка, сохраняются название и датировка в соответствии с тем, как эта информация представлена в корпусе. Такие источники в библиографический список не вносятся.

самым *имамь*-конструкции утрачивают модальность и выступают в качестве книжного эквивалента *иму*-конструкций (Юрьева 2011):

(3) Аще ли по моем животѣ оскудѣвати начнет монастырь, черноризецъ имать малитис<я> [вм.: иметь малитися] и потребы манастирьския начнут оскудѣвате (!), то вѣдуще будите, яко не угодил есмь Богу (МС: 5об.–6, под 1074 г.; Юрьева 2011: 83).

Аттракция между конструкциями с *имаю*, *имѣю* и *иму* на материале старовеликорусских, староукраинских и старобелорусских памятников XV в. исследуется в работе (Пенькова 2025). Показано, что взаимодействие между конструкциями наиболее активно происходило в староукраинской деловой письменности, причем именно в молдавских грамотах сближение *иму* и *имаю* было наиболее выражено. В диалектах данной территории взаимодействовали модальная конструкция с *имати/имѣти* и начинательная с *ѣти*, ср.:

(4) А намъ с тои корѣчмы имаеть давати [‘должен давать’] сто грошиковъ (Розов №39 1407 г.);

(5) Оу котором трѣгоу имет коупити [‘на котором рынке будет покупать’], там имет давати [‘там должен давать’] от скота. (Русанівський 1965, № 55, 1460 г.).

Это способствовало расширению семантики конструкции *иму* + инфинитив за пределы фазовости и ее проникновению в модальные контексты.

В отличие от древнерусского и современного русского, сербохорватский язык, согласно А. Исаченко, относится к «иметь-языкам» (Isačenko 1974). В древнесербской письменности, согласно (Rösler 1952; Andersen 2006), спорадически фиксируется футурум со вспомогательным глаголом *имѣти*. Однако, судя по примерам, приводимым Х. Андерсеном, перед нами все та же церковнославянская конструкция со значением будущего времени с усиленной ассерцией, которая унаследована церковнославянской традицией из старославянского, ср.:

(6) Имамь бо вси живоушей на земли съмрьть вькоусивыше гробоу прѣдати тела наша (Miklosich 1858: 100).

В статье 1963 г. В. П. Гудков указал на параллель между древнерусским и древнесербским: в древнесербской письменности в XIII–XIV вв.

также фиксируется конструкция *иму* + инфинитив (Х. Кржижкова приводит примеры этой конструкции и в древнечешской письменности):

(7) Аще ли w себѣ сама иметь бѣсновати се, вставляючи своего моужа, да аще има добитькѣ, добитькомѣ да наказоуетсе (Miklosich 1858: 14, 1222–1228 гг.);

(8) Když ho žena jme tresktati, nedadúc jmu v kostky hráti. (Křížková 1960: 127).

Целью В. П. Гудкова в статье 1963 года было показать, что вспомогательные глаголы *имамь* и *иму* не следует смешивать, и это справедливо как для древнерусского, так и для древнесербского материала: «име был глаголом совершенного вида, а има – несовершенного. Глагол име в сочетании с инфинитивом выражал будущее время, а има... служил для передачи долженствования» (Гудков 1963). Ср. пример с последним:

(9) Кто хоче сие потворити, не маль гнѣвъ и наказаніе има вьсприети втъ кравельства ми (Miklosich 1858: 20, 1234 г.).

Таким образом, конструкция с глаголом *иму* была характерна не только для восточнославянского ареала, но обнаруживается во всех трех подгруппах славянской языковой группы. При этом развитие в показателе будущего времени эта конструкция получила только в украинских диалектах.

Цель настоящего исследования – на материале восточнославянской и древнесербской письменности XIII–XIV вв. уточнить наши знания о семантике и дистрибуции конструкций с *имамь*, *имаю*, *имѣю* и *иму*, рассмотрев данные письменных источников различных восточнославянских диалектов и древнесербских штокавских памятников, и приблизиться к ответу на вопрос, почему судьба этой конструкции была различна в разных славянских языках и диалектах.

Аттракция между *имѣти* и *ѣти* в восточнославянской письменности: новые данные

Как было показано выше, между *имамь*- и *иму*-конструкциями в среднерусских памятниках могла происходить аттракция: первые могли проникать в контексты, типичные для вторых. Основанием для такой

аттракции было, по-видимому, то, что обе аналитические формы в старовеликорусском уже устаревали (Юрьева 2011).

В староукраинских памятниках XV в. имела место немного иная ситуация. В этих источниках также наблюдается аттракция между конструкциями с *имаю*, *имѣю* и *иму*, но при этом направление смещения было другое: *иму*-конструкция могла употребляться в контекстах деонтической модальности, типичных для первых двух перифраз (Пенькова 2025).

Данные восточнославянских рукописей XIII в. свидетельствуют о том, что смещение *имамь*- и *иму*-конструкций могло происходить и в гораздо более ранних памятниках – уже в XIII в., т. е. в период, когда конструкции с *иму* только начинают фиксироваться в письменности. При этом направление смещения не такое, как в старовеликорусских летописях XVI в., а, скорее, такое, как в староукраинских грамотах XV в.: конструкция *иму* + инфинитив встречается в *модальном* употреблении вместо *имамь* + инфинитив (см. также Пенькова 2023). Отличие от ситуации в староукраинской деловой письменности состоит только в том, что в более ранних книжных памятниках *иму*-конструкция выступает не вместо типичных для деловых текстов *имаю*-перифраз, а вместо книжной *имамь* + инфинитив, ср.:

(10) Аще нѣ оуздержишися, послѣди скербѣти имеши [вм.: имаши] [λυπηθήσῃ] мнозѣми вбразы (Ефр.Сир., IV: 42, 1269–1289 гг.); ср. в среднеболг. сп. XIV в.: скръбѣти имаше, то же чтение в рукописях РГАДА, Тип. 38 и РГБ, Тр. 7;

(11) Не тако бе-страха, яко нѣ иму суда страшнаго оуслышати [μὴ ἔχοντες ἐπακοῦσαι], не тако походимъ, яко нѣ имамъ слова истазаниємъ въдати [μὴ ἔχοντες ἀποδοῦναι] (Ефр.Сир., II: 210, 1269–1289 гг.); ср. в среднеболг. сп. XIV в.: не оуслышати... имаше въздати; в списке РГАДА, Тип. 38: не имуще услышати... не имущем въздати; в списке РГБ, Тр. 7: не имуще... не имуще;

(12) Глѣю бо вамъ · не имете [вм.: имате] мене видѣти [οὐ μὴ με ἴδῃτε] ѿнына · дондеже рчѣте · блгвѣнъ градый въ има господьне (Симоновское евангелие, л. 47); ср. (Остр.: 216): не имаате мене видѣти; то же чтение в (Пантелеймоново евангелие: 59).

Из приведенных примеров очевидно, что *иму*-конструкции проникли в текст Паренесиса Ефрема Сирина, который представляет собой древнеболгарский перевод X в., и в текст Евангелия, перевод которого восходит к еще более древней кирилло-мефодиевской традиции, именно на восточнославянской почве. Об этом красноречиво свидетельствуют разночтения по спискам (в том числе разночтения по разным редакциям евангельского текста – как в случае с Симонским евангелием).

Греческий оригинальный текст не оставляет сомнения в том, что *иму*-конструкция употреблена здесь в позиции, типичной для *имамь*-конструкции, в значении будущего времени с усиленной ассерцией (‘неизбежно будешь испытывать скорбь’ в (10), ‘не придется услышать’ в (11), ‘вам не увидеть Меня’ в (12)).

Обратим внимание на то, что рукописи, в которых встретилось такое явление, принадлежат, с одной стороны, юго-западной диалектной зоне (Паренесис Ефрема Сирина, РНБ, Пог. 71а, ок. 1269–1289 гг. – волынский список), а с другой – северо-западной (Симонское евангелие 1270 г., РГБ, Рум. № 105 – новгородский список). Появление такого смешения в волынской рукописи ожидаемо ввиду последующей экспансии конструкций с *иму* в староукраинской письменности и их дальнейшей грамматикализации в будущее время. Аналогичное явление в новгородской рукописи требует объяснения.

В Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. (далее – СДРЯ) можно найти и другие примеры довольно неожиданного «сближения» в области употребления глаголов с корнем *им-* между источниками Юго-Западной и Северо-Западной Руси. В частности, такие случаи обнаруживаются в словарной статье *имѣти*₂ (*имѣю*) (СДРЯ IV: 151–152). Необходимо пояснить, что в СДРЯ различаются две презентные парадигмы глагола *имѣти*: исконная (*имамь*, *имаши* и т. д.) описывается в словарной статье *имѣти*₁, тогда как аналогическая (*имѣю*, *имѣеши*) – в статье *имѣти*₂. В последней в качестве одного из значений глагола *имѣти* приводится следующее: «Вспомогательный гл. для образования будущего вр.» (СДРЯ IV: 152). Этот тип употребления *имѣти*₂ иллюстрируется многочисленными примерами из южнорусских грамот второй половины XIV в. (13–15), а также цитатой из «Закона судного людям» по новгородскому списку XIV в. (16):

(13) Боаре и землане будутъ. городъ твердити. тогы тии люди тако же. имѣють твердити. городъ Смотричь. *Гр 1375 (ю.-р.);*

(14) А с того имѣеть. князю служити трими стрѣлци. *Гр 1378 (1, ю.-р.);*

(15) Аже не выкупить его на тотъ рокъ. имѣеть держати то село. опать до другого року. *Гр 1386 (1, ю.-р.);*

(16) Не имѣемъ сего взаконити. *ЗС XIV, 31.*

Еще одно сближение такого рода между источниками Юго-Западной и Северо-Западной Руси обнаруживается в словарной статье *имати*² (СДРЯ IV: 145). В ней описываются значения глагола *имати* с аналогической парадигмой *имаю, имеши*, тогда как употребления форм с исконной парадигмой *емлю, емлещи* рассматриваются в статье *имати*¹.

*Имати*², согласно СДРЯ, в одном из своих значений также предстает как «*вспомогательный гл. для образования будущего вр.*» (СДРЯ IV: 145). Такое употребление *имати*² иллюстрируется многочисленными примерами из южнорусских и западнорусских грамот второй половины XIV в. (17–20):

(17) А они имають держати. так(о) долго докола... имо тыхо ·дѣтисахи рублїи исполна не в(т)дамы. *Гр 1390 (2, ю.-р.);*

(18) Бискупъ имаеть ловити. на своеи половинѣ. *Гр 1398 (3, з.-р.);*

(19) Не имаеть. в(т) нихъ то штоити. *Гр 1399 (1, ю.-р.);*

(20) А панъ клюсь имаеть того існого села шидлова. оуживати. *Гр 1400 (1, ю.-р.).*

Однако среди этих источников в СДРЯ обнаруживается цитата из Софийского сборника конца XIV в. (21), происхождение которого связано с псковскими землями (Ганстрем 1953: 60). В другом списке Софийского сборника – новгородском (Баранкова и др. 2013: 58) – то же чтение:

(21) А вѣѣць моихъ не пасуще в нихъ слово имаєте в(т)дати въ днь суда. *СбСоф к. XIV, 110в (СДРЯ IV: 145).*

Если мы присмотримся внимательнее к семантике конструкций в примерах (17–20), с одной стороны, и значению перифразы в (21), с другой стороны, то мы увидим, что в первой группе примеров

имаю + инфинитив имеет значение деонтической возможности. Напротив, в (21), по-видимому, представлено значение будущего времени с усиленной ассерцией ('вам придется дать ответ') – такое же, которое характерно для книжной конструкции *имамь* + инфинитив.

Обратившись к данным исторических словарей и исторических корпусов, можно обнаружить другие ранние примеры аттракции между конструкциями с глаголами *имамь* и *имаю*:

(22) Аще того пустиши. не имаеши быти другъ кесареви (Ин. XIX, 12; Повесть временных лет по Ипатьевскому списку, 1110-е гг.) [ср. в Остр., 184: нѣси друоугъ кесареви; в Лаврентьевском списке: имаши];

(23) Погуби втроча се. аще ли не погубиши имаеть погубити всь егупе(т) (Повесть временных лет по Ипатьевскому списку, 1110-е гг.), [ср. в Лаврентьевском списке: имать погубити].

В данных примерах *имаю*, бывший итератив от *ѣти*, употребляется в конструкции, типичной для глагола *имѣти*. Показательно, что соответствующие примеры встретились в северо-западном Ипатьевском списке Повести временных лет. Случаи аттракции между *имѣти* и *имати* охватывают не только область инфинитивных конструкций, но и полнозначные употребления:

(24) Слышу же се. яко сestroу имаете двюю. да аще ея не вдасте за ма. то створю гра(д) вашему яко и сему створихъ (Повесть временных лет по Ипатьевскому списку, 1110-е гг.), [ср. в Лаврентьевском списке: имата];

(25) Р(ч)е же внѣ ко мнѣ. дхѡвѣнаго вѣа твоего еже къ боу млтва. на се мѣсто приведе та. показати ти яже преже желаніе имаети (Житие Василия Нового, конец XI в.);

(26) Занеже коегождо е(с)тво имать свою волю. и коеждо соущество свое дѣтельство имаеть. (Житие Василия Нового, конец XI в.);

(27) Аще и многы наставники имасте в хсѣ · нѣ не многы в отцѣ · в хсѣ бо ісѣ еѡгангильемъ азъ вы родихъ · молю же вы са подобньици ми боудете (Слово некоего христороубца и ревнителя по правой вере, XI в., *Соф.* № 1285).

Мы видим, что в приведенных примерах *имаю* семантически тождествен *имамь* или *имѣю*. А среди источников, в которых отмечается

такое явление, мы вновь видим новгородский Ипатьевский список ПВЛ, Житие Василия Нового, происхождение которого, как предполагается, связано с Юго-Западной Русью (Пентковская и др. 2018), и новгородский список Софийского сборника конца XIV в.

Таким образом, в позднерусской письменности обнаруживаются примеры аттракции между вспомогательными глаголами *имамъ* и *иму*, *имамъ* и *имаю*, а также между полными глаголами *имѣти* и *имати*. Случаи смешения такого рода представлены в основном в рукописях Юго-Западной Руси, но спорадически проникают и в рукописи Северо-Западной Руси. Кроме того, пример употребления конструкции *имѣю* + инфинитив, ограниченной преимущественно деловой письменностью Юго-Западной Руси, обнаруживается в новгородском списке «Закона судного людям». Эти явления нуждаются в объяснении.

Легче всего объяснить последнее: появление конструкции *имѣю* + инфинитив в новгородской рукописи конца XIV в. Чтению «не имѣю сего узаконити» новгородского Пушкинского списка «Закона судного людям» соответствует чтение «не смѣю сего узаконити» в Археографическом списке XV в. (л. 296). То же читаем и в Карамзинском списке Софийской первой летописи: «не смѣю иногѣ закона узаконити».

Как показал М. Н. Тихомиров, «писец Пушкинского сборника переписывал уже с дефектного экземпляра, в котором к тому же многое не понимал» (Тихомиров 1961), поэтому *имѣю* вместо *смѣю* возникло в результате ошибки трансмиссии. При этом переписчик Пушкинского списка предложил вовсе не бессмысленную замену: *смѣти* + инфинитив > *имѣти* + инфинитив, обе конструкции имеют значение деонтической возможности. Именно такое употребление характерно для данной конструкции в деловых памятниках Юго-Западной Руси, ср.:

(28) И тогды имѣю дати ему за тыи двѣ селищи шестьдесятъ копь (Розов № 61 1429 г.);

(29) Какъ издавна оу лѣсъ ходили, такъ и нинѣ ходити имѣю на вѣки вѣчныи (Розов № 68 1433 г.).

Однако пример из «Закона судного людям» все-таки следует признать искусственно сконструированным переписчиком на основании известной ему книжной перифразы *имамъ* + инфинитив, но с темати-

ческой формой *имѣемъ*, поскольку никаких других примеров употребления конструкции *имѣю* + инфинитив в русской письменности вплоть до второй половины XVI в. не обнаруживается. *Имѣю* + инфинитив в старовеликорусской письменности – это позднее заимствование из польского языка, вероятно, через рутенское посредство (см. подробнее в Пенькова 2021), ср. один из самых ранних примеров:

(30) А вы, послы, за арцыбископа и за маистра то дѣло и достойности имѣете дѣлати (Ответ датским послам на ходатайство датского короля Фредерика о прекращении военных действий, предпринятых против магистра Ливонского за его «неисправления», 1559 г.).

Обратимся теперь к анализу аттракции между парадигмами *имамъ* и *имаю*.

Как видно из приведенных выше примеров (24) – (27), большинство случаев употребления *имаю* вместо *имамъ* или *имѣю* встречается в рукописях, происходящих из Юго-Западной Руси. По-видимому, именно там был эпицентр функционально-семантического сближения между глаголами *имати* и *имѣти*, в результате которого *имати* утратил итеративность и свое исконное значение контакта ‘брать, хватать’ и превратился в статив, функциональный дублет глагола *имѣти*. Об этом свидетельствуют данные Словаря староукраинского языка XIV–XV вв. (ССУМ 1: 433–441), см. Таблицу 1:

имати2	имѣти
I полнозначный глагол Мати, держати, володіти (бути власником чого)	I полнозначный глагол = имѣти в знач. 1
Користуватися, мати (що)	= имѣти в знач. 2
Перебувати в якихось стосунках з ким	= имѣти в знач. 4
Містити в собі, включати в себе	= имѣти в знач. 5
Підлягати (чому), мати (що)	
С инф. Бути зобов'язаним, мусити	= имѣти в знач. 8
С инф. Бути спроможним	= имѣти в знач. 7
II вспомогательный глагол в сложном будущем времени	= имѣти II
	3. одержувати, мати
	6. відчувати, зазнавати (чого)
	9. С инф. Бути в праві, могли
	10. С инф. Намірятися, збиратися ²
	11. С инф. У формі баж.-ум. вказує на сумнівність передбачуваної дії ³

Таблиця 1. Сопоставление семантики *имати2* и *имѣти*,
по данным Словаря староукраинского языка XIV–XV вв.

Согласно (ССУМ 1: 433), *имати1* – глагол контакта – употребляется в староукраинской письменности крайне редко (зафиксировано всего три примера), тогда как *имати2* – весьма частотный глагол состояния (более тысячи словоупотреблений), который семантически почти не отличается от глагола *имѣти*. Как видно из таблицы, *имати2* имеет только одно несовпадающее с *имѣти* значение – строка под номером 5. *Имѣти* при этом только в четырех типах употребления из 11 не пересекается с *имати2*, и два из них не связаны с конструкциями, имеющими референцию к будущему. Это значение 10, в котором во всех примерах представлена только форма прошедшего

² В примерах только формы прошедшего времени.

³ Только в форме сослагательного наклонения.

времени от *имѣти*, и значение 11, выделяемое только для вспомогательного *имѣти* в форме кондиционала.

Таким образом, *имати* как глагол контакта практически вышел из употребления в староукраинском языке (см. об этом также Пенькова 2024), поскольку *имати* функционально сближился с *имѣти*, превратившись фактически в дублет последнего.

В старовеликорусской письменности маргинально также встречаются конструкции *имаю* + инфинитив, однако такие примеры обнаруживаются в источниках не ранее XVI в. и в несколько ином значении, не характерном для этой конструкции в деловой письменности Юго-Западной и Западной Руси XIV–XV вв., ср.:

(31) Тогда гродо на(ш) галичь и с тою волостию што к нему прислушаеть тому исному и воево(д) и его брату роману и дѣтемо іхо или которы іхо живо останть оу тыхо дѣ тислчачо заставити имаемы ·а они имають держати так(о) долго докола имо тыхо дѣ тисачи рублїи исполна не ѡдамы (Обязательство короля Владислава II Ягайла отдать молдавскому воеводе Петру 4000 рублей «фряжского серебра» {Луцк}, 1388 г.);

(32) И мало убо потрѣпим до времени подобна, вѣн же час имаем въздарие отдати противником (Сказание о Мамаевом побоище, первая четверть XV в.)⁴.

В примере (31) из староукраинской грамоты конструкция *имаю* + инфинитив представлена в значении деонтической модальности (возможности и необходимости), тогда как в контексте (32) из Сказания о Мамаевом побоище – в значении будущего времени с усиленной ассерцией. Употребления типа (32), по-видимому, появляются в старовеликорусской церковнославянской письменности под влиянием языка простой мовы, для которой было характерно употребление *имаю* + инфинитив в значении будущего времени с усиленной ассерцией – по-видимому, в качестве альтернативы книжной церковнославянской конструкции *имамь* + инфинитив (Смирнова 2021), ср.:

(33) Выданъ маеть быти Сынъ чолочечии в руцї людємъ. (Мф. 17: 22; Евангелие Тяпинского; Смирнова 2021).

⁴ По списку первой половины XVI в.

Конструкции с *имѣти* и *имати* в восточнославянской деловой письменности XIII–XIV вв.

Для того чтобы объяснить причины аттракции между *имаю*, *имѣю* и *иму* в памятниках Юго-Западной и Северо-Западной Руси, обратимся к данным восточнославянской деловой письменности XIII–XIV вв. разной региональной принадлежности. Мы будем рассматривать отдельно староукраинские грамоты (по изданиям Пещак 1974; Розов 1928), старобелорусские (полоцкие) грамоты (по изданию Хорошкевич и др. 2015), новгородско-псковские грамоты (по изданию ГВНП 1949) и московские грамоты (по изданию ДДГ).

Исследованные источники показывают следующую картину частотности рассматриваемых конструкций (таблица 2):

Конструкция	Новгородско-псковские грамоты	Московские грамоты	Полоцкие грамоты	Староукраинские грамоты
<i>Иму</i> + инф.	7	39	3	9
<i>Имаю</i> + инф.	0	0	0	17
<i>Маю</i> + инф.	0	0	1	51
<i>Имѣю</i> + инф.	0	0	0	6
<i>Имаю</i> + инф.	0	0	0	8

Таблица 2. Частотность конструкций с глаголами с корнем *им-* в восточнославянской деловой письменности XIII–XIV вв.

Как видно из таблицы 2, в XIII–XIV вв. центром экспансии конструкций с глаголами *имѣти* и *имати* была именно Юго-Западная Русь. Выше мы показали, что в этом же регионе имело место функциональное сближение *имѣти* и *имати* как в качестве полнозначного, так и в качестве модального глагола. Ничего похожего не наблюдается ни в полоцкой, ни в новгородско-псковской, ни в московской деловой письменности в этот период.

Конструкции с *имати* в полоцких грамотах этого времени почти не употребляются. Их распространение в старобелорусской письменности (вне грамот, происходящих из великокняжеской канцелярии) происходит немного позднее, чем в староукраинской, – в XV в. (см. Пенькова 2025). Это говорит о том, что зарождение данного процесса связано в первую очередь с Юго-Западными говорами. Малоупотребительны в полоцких грамотах и конструкции с *иму*, такова же ситуация и в грамотах Северо-Запада в данный период.

На общем фоне выделяются московские грамоты, в которых конструкции с *имѣти* и *имати* в некнижной письменности отсутствуют, однако наиболее широко в ней распространены именно конструкции с *иму*. В староукраинской деловой письменности мы увидим рост числа употреблений конструкций с *иму* только с XV в. (Пенькова 2025).

Таким образом, в позднедревнерусский период мы можем говорить о различных ситуациях в восточнославянских диалектах Юго-Западной, Северо-Западной и Западной и Центральной Руси.

В некнижной письменности Юго-Западной Руси представлены оба вспомогательных глагола: как глагол *ѣти*, так и *имѣти*, причем последний – всеми четырьмя парадигмами включая формы с утратой начального *и*. Конструкции проявляют тенденцию к взаимодействию: с одной стороны, *имати* и *имѣти* сближаются семантически, но формы не унифицируются в единую парадигму; с другой стороны, *иму* и *имаю*-конструкции функционально также могут сближаться.

В некнижной письменности Северо-Западной и Западной Руси конструкции с глаголами с корнем *им-* в целом маргинальны (для Северо-Запада они редки в том числе и в письменности книжной). Редкие случаи смешения конструкций объясняются их чуждостью, несвойственностью данной традиции.

В некнижной письменности Москвы представлены только конструкции с *иму*; перифразы с *имамь* употребляются исключительно в книжных памятниках. По-видимому, такое четкое распределение препятствует аттракции, которая фиксируется в редких случаях лишь в более поздних старовеликорусских источниках.

Конструкции с *имѣти* и *ѣти* в древнесербской деловой письменности XIII–XIV вв.

Выделенные выше типовые ситуации, представленные в разных восточнославянских диалектах, интересно сопоставить с данными

древнесербской деловой письменности этого же периода. Мы привлекаем данные древнесербских грамот XIII–XIV вв. по изданию (Miklosich 1858).

В древнесербских памятниках этого времени также употребляются конструкции с корнем *им-*: *иму* + инфинитив и *имамь/имаю* + инфинитив. Первая функционирует идентично восточнославянской конструкции. Вторая в качестве вспомогательного глагола использует форму глагола *имѣти*, парадигма которого в сравнении с исконной подверглась некоторым изменениям: форма 3 л. мн. ч. *имуть*, не имевшая в основе *-а-*, была заменена на новую форму *имаю* – по-видимому, под влиянием форм с *-а-* в основе (ср. *имамь*, *имаши*, *имать*), окончание *-тъ* в формах 3 л. могло в этот период утрачиваться (зафиксированы обе формы: *има* и *имать*). В рассмотренных нами источниках встретились следующие формы вспомогательного глагола *имѣти*: 1sg *имамь/имаю*, 2sg *имашь*, 3sg *има/имать*, 1pl *имамь/имамо*, 3pl *имаю* (формы 2 л. мн. ч. не встретились).

Древнесербские грамоты демонстрируют ситуацию, которая ближе всего к положению в староукраинских диалектах: в некнижных памятниках сосуществуют две конструкции с глаголами с корнем *им-*. Семантически эти конструкции распределены: первая употребляется преимущественно в относительных и условных придаточных (в целом в зависимых предикациях), вторая – преимущественно в *да*-конструкциях в аподосисе в значении деонтической модальности, ср.:

(34) Аще ли кто иметь сїе светює (место) нечимь wbидети... такови да єсть проклеть (Miklosich 1858: 18, 1233 г.);

(35) Да не имать кто досаждати naszej обитѣли (Miklosich 1858: 131, 1348 г.)

При этом также фиксируются редкие случаи смешения – употребления *иму*-конструкций в контекстах, типичных для *имаю*-конструкций, ср. примеры из древнесербских (36)–(37) и староукраинских грамот (38)–(39):

(36) Ако кто прибегне вдь гнѣва кралевьства ти у градъ нашъ, да у насъ стое никоегаре зла да не име чинити земли кралевьства ти. (1254–1256 гг.) (Гудков 1963);

(37) А кои коупци гредоу мимо Брьсково, а не сьвракаю се оу Брьсково, да имь никто не име забавлати ни на нихь трѣбовати часа (Miklosich 1858: 53);

(38) Кто не иметь ходити, тотъ иметь давати святому Николе весь доходъ (Киев) (Русанівський 1965, № 18, 1362–1392 гг.);

(39) А... куници колко будут намъ надобни, а мы имемъ соби купити (Молдавия) (Русанівський 1965, № 32, 1408 г.).

Сравним дистрибуцию конструкций с *имамъ*, *имаю*, *имѣю* и *иму* в восточнославянской и сербской деловой письменности XIII–XIV вв. Будем сопоставлять конструкции, которые представлены и в восточнославянских, и в древнесербских грамотах. Общими для тех и других являются перифразы со вспомогательным глаголом *иму*. Конструкции с *имѣти* представлены только в древнесербской и староукраинской деловой письменности, причем форм с парадигмой *имѣю*, *имѣши* в сербских грамотах не представлено вовсе. Форма с обобщением *-ѣ-* (под влиянием основы инфинитива) встретилась в сербских грамотах только один раз – вне конструкции с инфинитивом – в грамоте, написанной с преобладанием церковнославянских языковых черт:

(40) Надеждоу имѣю сего малаго ради приношения вѣчнихъ благъ насладити се (1389–1405 гг.) (Miklosich 1858: 567).

Приведем данные дистрибуции конструкций с *ѣти/ѣти* и *имѣти* в таблице 3. Выше мы показали, что в староукраинской письменности *имѣти* и *имати* фактически выступают как семантические дублеты, поэтому для староукраинских грамот будем считать употребления *имамъ*, *имаю*, *маю* и *имѣю* с инфинитивом как единую конструкцию.

Тип употреб- ления	Ст.-укр. грамоты		Полоцкие грамоты		Новг.-пск. грамоты		Моск. грамоты		Сербск. грамоты	
	иму	имаѣ имаю маю имѣю	иму	имаю маю	иму	имаю	иму	имаю	иму	имаѣ имаю
Услов- ный про- та- сис	1	1	—	—	2	—	19	—	9	—
Относи- тель- ное при- да- точное	7	2	3	—	5	—	17	—	6	2
Прида- точное вре- мени	—	1	—	—	—	—	2	—	1	—
Незави- симое или апо- досис, в т. ч. с части- цей <i>да</i>	1	77	—	1	—	—	1	—	2	14

Таблица 3. Дистрибуция конструкций с корнем *им-* в древнерусской письменности XIII–XIV вв. различной диалектной принадлежности в сравнении с древнесербской

Как видно из приведенной таблицы, в отношении дистрибуции конструкций с *иму* различий по славянским языкам и диалектам нет. И в древнесербской, и в древнерусской письменности разной диалектной принадлежности это преимущественно зависимые предикации: условные и относительные придаточные – последние в основном так наз. архаического препозитивного типа (в меньшей степени эта разновидность встречается в сербских грамотах), ср. примеры из староукраинских (41), полоцких (42), новгородских (43), московских (44) и древнесербских грамот (45) соответственно:

(41) А хто иметь тоє закладывать або ѿ цркви Бжѣя ѡдаливать, и мстыть емоу Бгѣ (Пещак 1974, № 26, 1377 г.);

(42) А хто иметь вѣтнмати вѣт С(вѣ)тоу Тро(и)ци – или вельможа, или попъ иметь продавати, да будетъ проклатъ в сїи векъ и въ будущи (Хорошкевич и др. 2015, № 5, XIV в.);

(43) А у кого имуть окупати село, колко у него будеть сель, вся имѣ окупати села одинова (ГВНП № 12, 1317 г.);

(44) А хто сю грамоту иметь рушити, судить ему Б(о)гъ (ДДГ № 3, 1353 г.);

(45) А таковыи, кои име пакостити томоу мѣстоу, що записа кралєвьство ми... или име кои соудъ двизати на црьковь оу тои земли, да плати кралєвьствоу ми тисоукю перьперь. (Miklosich 1858: 68, 1305–1307 гг.).

Показательно, что и в сербской, и в восточнославянской письменности конструкция *иму* + инфинитив ограничена зависимыми предикациями. Это позволяет утверждать, что данная перифраза занимала особую нишу. Подчеркнем, что именно так в современном сербохорватском языке употребляется *футур други* (конструкция *будем* + л-причастие): эта форма маркирует не предшествование в будущем, а исключительно зависимую предикацию. *Футур други* типичен для тех же типов клауз, что и *иму* + инфинитив в древнесербской и древнерусской письменности: условных, относительных, придаточных времени (Benić 2024; Пенькова 2024), ср.:

(46) Ако будете марљиво радили, ваш труд ће бити награђен. ‘Если вы будете старательно работать, ваш труд будет вознагражден’ (Стевановић 1986: 679);

(47) Spremiću stan, dok ti budeš spavao. ‘Я уберу квартиру, пока ты будешь спать’ (Movchan 2023: 212).

В сфере употребления конструкций с *имѣти* древнесербский оказывается ближе всего к староукраинскому. Здесь также достаточно широко встречается конструкция с *имамь/имаю*, и она тоже употребляется преимущественно в значении деонтической модальности: в контекстах долженствования (48) или деонтической возможности (48). Ср. примеры из древнесербских (48), (50) и староукраинских грамот (49), (51):

(48) Ако ли кто дръзне и потвори слово кралєвьства ми, и оузме имѣ що въ вбласти кралєвьства ми, да има нимѣ платити [‘должно платить’] кралєвьство ми и-свое коморе. (Miklosich 1858: 188, 1378 г.);

(49) А любо хотѣли починати противъ господаря кроля коруны Польскоѣ, тогды мы имамы нашихъ господарии отъ того выимати [‘должны беречь’] (Пешак 1974, № 66, с. 127, 1395 г.);

(50) Обеща се кралєвство ми властелемь доубровьчкимь, да има ходити [‘может, имеет право ходить’] доубровьчки трьгь и трьжьци свободно и никимь невъзбраньно по всои земли и дрьжавѣ кралєвства ми (Miklosich 1858: 188, 1378 г.);

(51) Бискупъ имаеть ловити [‘может, имеет право ловить’] на своеи половинѣ (Пещак 1974, № 75, 1398 г.).

При этом между древнесербскими и староукраинскими грамотами в области употребления конструкций с *имѣти* можно обнаружить не только сходства, но и различия. Во-первых, как было показано выше, в украинской деловой письменности конкурируют одновременно три парадигмы (*имаю*, *имѣю* и *имамь*), тогда как в древнесербской конкуренции парадигм не представлено, употребляется единая парадигма.

Во-вторых, в староукраинской и старобелорусской письменности вспомогательный глагол *имѣти* может употребляться в форме прошедшего времени и сослагательного наклонения, тогда как в древнесербской письменности XIII–XIV вв. такие конструкции не зафиксированы (лишь в грамотах второй половины XV в. можно обнаружить один пример со вспомогательным глаголом в форме перфекта и еще один – в форме сослагательного наклонения).

В-третьих, в древнесербских грамотах (однако чуть более позднего времени – с первой половины XV в.) конструкция с глаголом *имѣти* может употребляться безлично, что нехарактерно для ее восточнославянского когната:

(52) Вазда да се има тако, како е речено, давати на всако годище петь сать перперь динари дубровачихъ (Miklosich 1858, 290, 1419 г.).

Несмотря на небольшие различия, общие особенности двух конструкций в древнесербской и староукраинской письменности оказываются чрезвычайно близки. При этом судьба конструкций в этих языках, напротив, различна. В истории сербского языка конструкции с *иму* с XV в. практически выходят из употребления, а сохраняются только перифразы с глаголом *имамь* (Гудков 1963). В этом отношении сербский язык оказывается ближе не к староукраинскому, а к старобелорусскому, в котором судьба конструкций с *иму* была аналогичной, в то время как конструкции с *имѣти*, напротив, стали более частотными (Пенькова 2025).

Возникает вопрос о причинах такого рода различий между староукраинским, с одной стороны, и старобелорусским и сербским, с другой, при довольно близкой исходной ситуации между первым и последним. В (Пенькова 2025) мы предположили, что *иму* + инфинитив в старобелорусской письменности была вытеснена именно конструкцией с *буду*. По-видимому, таковы же причины выхода из употребления конструкций с *иму* и в древнесербской письменности, где с XV в. фиксируется значительный рост частотности конструкции *буду* + инфинитив в тех же типах клауз, в которых в XIII–XIV вв. встречалась конструкция с *иму* (ранее XV в. конструкция с *буду* в сербской деловой письменности была очень редка), ср.:

(53) Тада да се има подати неговоу ближнемоу натрьшю, кои боуде нихъ господство наследовати (Miklosich 1858: 419, 1442 г.);

(54) Да и товъ всталамъ не питати ни искати вѣдъ тебе, ако се боудешъ оуказати си истиномъ и справдомъ (Miklosich 1858: 501, 1466 г.).

В староукраинской письменности в качестве конструкции со значением будущего в этот период (со второй половины XIV в.) также известна перифраза с *буду*, однако она не вытесняет конструкции с *иму* как в старобелорусском и древнесербском. Как можно объяснить такое развитие? По-видимому, причиной может быть именно активная аттракция между конструкциями с корнем *им-* в диалектах староукраинского языка. Как раз это и отличает его от ситуации в других восточнославянских диалектах, с одной стороны, и от ситуации в древнесербском, с другой. И именно это сближение *ѣти* с *имѣти* позволяет первому глаголу выйти за пределы зависимых предикаций и проникнуть в контексты аподосиса:

(55) Хто не иметь ходити, тотъ иметь давати святому Николе весь доходъ (Русанівський 1965, № 18, 1362–1392 гг.);

(56) А... куници колко будут намъ надобни, а мы имемъ соби купити (Русанівський 1965, № 32, 1408 г.);

(57) Оу котором тръгоу имет коупити, там имет давати от скота (Русанівський 1965, № 55, 1460 г.).

Контексты протасиса, в отличие от контекстов аподосиса, как известно, не характерны для форм будущего времени: «Since the focal use of futures is to make prediction... futures tend to occur in main

clauses» ‘Поскольку основная функция будущих времен – делать предсказание... будущие времена, как правило, встречаются в главных предложениях’ (Bybee et al. 1994: 274). Проникновение конструкций с *иму* в аподосис – тип употребления, нехарактерный или малохарактерный для нее в других диалектах, позволило этой перифразе участвовать в процессе грамматикализации в качестве будущего времени.

По-видимому, типологически сходное развитие можно видеть в истории латинского и романских языков, где глагол *habeo* ‘иметь’ восходил к праиндоевропейскому **g^hehb^h-* ‘взять, схватить’. Из глагола контакта он эволюционировал в статив и уже в этом качестве стал употребляться как вспомогательный глагол будущего времени, который в истории романских языков (французского, испанского, итальянского) слился с инфинитивом, дав начало романскому синтетическому будущему (Бурсье 1952: 227)⁵.

Выводы

Исследованный материал древневосточнославянской и древнесербской деловой письменности позволяет сделать следующие выводы. Конструкции с глаголом *иму*, известные в восточно-, южно- и западнославянских диалектах, в древнерусском и древнесербском имели одинаковую дистрибуцию: употреблялись в зависимых предикациях

⁵ Будущее время, возникшее из конструкций с глаголом контакта ‘взять, схватить’, известно также нескольким финно-угорским языкам. В венгерском языке в будущем времени используется вспомогательный глагол *fog* ‘брать’, семантически близкий к славянскому глаголу *ѣти*. В (Золтан 2018) такое развитие в венгерском объясняется славянским субстратом – влиянием паннонских диалектов. В (Wiemer et al. 2024) предлагается рассматривать венгерское и украинское будущее как составляющие карпатский микроареал. Однако помимо венгерского глагол с таким значением стал источником будущего времени также в ряде других финно-угорских языков: например, известны эстонский глагол *hakkama*, ливский *akkõ*, функционирующие как вспомогательные глаголы в формах будущего времени. Первоначально они также обозначали ‘взять; схватить’ и через ингрессивную стадию развились в показатели будущего (Metslang 1996). Аналогичное развитие отмечено в водском языке (Ariste 1968: 72). Каков был конкретный механизм грамматикализации такого будущего, пока остается неясным.

(условных, относительных, временных) – так, как функционирует в современном сербохорватском языке *футур други*, или *второе будущее*. Если и можно признать эти конструкции аналитическим будущим, то только *неассертивным* будущим для зависимых предикаций.

В памятниках Юго-Западной Руси очень рано – уже в позднедревнерусский период – начался процесс аттракции между *имѣти* и *яти*, что позволило конструкциям с *иму* проникнуть в контексты аподосиса, типичные для конструкций с *имаю* и *имѣю*. Такого активного взаимодействия между вспомогательными глаголами и перифразами не отмечается ни в старобелорусской, ни в древнесербской письменности. В других восточнославянских диалектах (северо-западных и центральных) условий для взаимодействия между *имѣти* и *яти* было еще меньше. Редкие примеры смещения конструкций с *имамъ*, *имѣю* и *иму* в памятниках новгородско-псковского происхождения XIII–XIV вв. имеют совершенно иные причины: они объясняются тем, что конструкции с этими глаголами в XIII–XIV вв. были чужды новгородской диалектной зоне.

Приходится признать, что дальнейшая грамматикализация конструкций с *иму* в истории украинского языка связана с активным взаимодействием с *имѣти*. По-видимому, именно это не позволило конструкциям с *буду* полностью вытеснить формы с *иму*, как это произошло в истории старобелорусского языка.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Евангелие апракос полный (Симоновское евангелие). Рук. РГБ, Рум. № 105. 1270 г.

Ефр.Сир. – *Bojkovsky G. Paraenesis. Die albulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrsers* / Ed. R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weiher. Freiburg i.Br.: Weiher, 1984–1988. Bd. I–IV. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. XX).

НКРЯ – Национальный корпус русского языка <<https://www.ruscorpora.ru>>

- Остр. – Остромирово евангелие 1056–1057 гг. С приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Пантелеймоново евангелие — Пантелеймоново евангелие. Апракос полный. Рукоп. РНБ, Соф. 1, 224 л. Конец XII – начало XIII в.
- Пещак 1974 – *Пещак М. М.* Грамоти XIV ст., Київ: Наукова думка, 1974.
- РГАДА 38 – Сборник поучений Ефрема Сирина. Рукоп. РГАДА, Тип. 38, 143 л. 70–80-е гг. XIII в.
- Тр. 7 – Сборник поучений Ефрема Сирина. Рукоп. РГБ, Тр. 7, 245 л. середина XIV в.
- Розов 1928 – *Розов В.* Українські грамоти. Т. I. XIV в. и перша половина XV в. Київ: УАН, 1928.
- Русанівський 1965 – *Русанівський В. М.* Українські грамоти XV ст. Київ, 1965.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. IV (изживати—моление) / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Русский язык, 1991.
- ССУМ – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: У 2 т. / Л. Л. Гумецька, І. М. Керницький (ред.). Київ: Наукова думка, 1977–1978.
- Хорошкевич et al. 2015 – *Хорошкевич А. Л.* (ред.), *Полехов С. В., Воронин В. А., Груша А. И., Жлутко А. А., Сквайрс Е. Р., Тюльпин А. Г.* Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. 2. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015.
- Miklosich 1858 – *Miklosich F.* Monumenta Serbiae spectantia historiam Serbiae Bosnae Ragusii. Viennae, 1858.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранкова и др. 2013 – Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник / Изд. подгот. Г. С. Баранкова, Н. В. Савельева, О. С. Сапожникова / Савельева Н. В. (ред.). М., СПб.: Альянс-Архео, 2013.
- Бурсье 1952 – *Бурсье Э.* Основы романского языкознания. Перевод с четвертого французского издания Т. В. и Е. В. Вентцель / Михальчи Д. Е. (ред.). М.: Изд-во Иностранной литературы, 1952.
- Горшкова, Хабургаев 1981 – *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. Учебное пособие для университетов. М.: Высшая школа, 1981.

- Ганстрем 1953 – Ганстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей: Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские. Л.: Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1953.
- Гудков 1963 – Гудков В. П. Параллель из истории форм будущего времени в сербохорватском и русском языках // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 38. Славянское языкознание / В. Д. Королюк и др. (ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Золтан 2018 – Золтан А. Венгерское сложное будущее в славянском контексте // Восьмые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы конференции. (Рим – Флоренция, 5–10 февраля 2018 г.) / Н. Запольская, М. Обижаева (ред.). М.: Индрик, 2018. С. 65–70.
- Козлов 2014 – Козлов А. А. К грамматической семантике старославянских конструкций хотѣти / имѣти с инфинитивом // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 122–149.
- Пентковская и др. 2018 – Т. В. Пентковская, Л. И. Щеголева, С. А. Иванов. Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. По рукописи из собрания Е. Е. Егорова с параллельным греческим оригиналом по рукописи из афонского монастыря Дионисиат. Т. I: Исследования. Тексты. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.
- Пенькова 2019 – Пенькова Я. А. Иму, учьну, стану, буду: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности // Slavistična revija. 2019. Vol. 67. № 4. С. 569–586.
- Пенькова 2021 – Пенькова Я. А. Инфинитивные конструкции с глаголом ИМѢТИ в позднесреднерусской письменности // Sub specie aeternitatis. Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько / И. М. Ладыженский, М. А. Пузина (ред.). М.: Азбуковник, 2021. С. 212–227.
- Пенькова 2023 – Пенькова Я. А. Инфинитивные конструкции с глаголами имѣти и хотѣти в церковнославянских памятниках Древней Руси XIII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов XII Международной конференции. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2023. С. 147–148.
- Пенькова 2024 – Пенькова Я. А. Глаголы имати и бѣрати: дистрибуция и конкуренция в истории русского языка // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2024. Т. 23. № 6. С. 63–79.
- Пенькова 2024 – Пенькова Я. А. Славянское предбудущее в типологической перспективе. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024.
- Пенькова 2025 – Пенькова Я. А. Имамь, имѣю, имаю, иму: конструкции с глаголами с корнем им-//ем- в восточнославянской деловой письменности XV в. // Slověne, 2025 (в печати).

- Стевановић 1986 – *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. Београд: Научна књига, 1986. Т. II.
- Смирнова 2021 – *Смирнова Е. А.* Сложное будущее время в «простомовных» памятниках XVI в. // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та, 2021. Т. 43. № 5. С. 66–70.
- Тихомиров 1961 – *Тихомиров М. Н.* Пространные списки Закона Судного людем // Закон Судный людем пространной и сводной редакции / Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Шевелева 2017 – *Шевелева М. Н.* К проблеме грамматической семантики конструкций типа иметь быти vs. хотеть быти в ранних восточнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 194–218.
- Шевелева 2019 – *Шевелева М. Н.* О древнерусском глаголе имѣти, посесивных конструкциях и сложном будущем с имамь / имоу в ранних восточнославянских текстах // Вопросы языкознания, 2019. № 6. С. 32–50.
- Шевелева 2021 – *Шевелева М. Н.* О глаголе яти и конструкциях иму + инфинитив по данным древнерусских памятников // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована / Пичхадзе А. А., И. С. Юрьева, Е. А. Мишина, М. С. Мушинская, Ю. В. Кагарлицкий (ред.). М., СПб.: Нестор-История, 2021. С. 31–50.
- Шевелева 2024 – *Шевелева М. Н.* Глаголы имѣти – яти – имати в ранних древнерусских памятниках в сравнении со старославянскими // Славянское и балканское языкознание. Вып. 24: Палеославистика – 5: Международная коллективная монография / Отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2024.
- Юрьева 2006 – *Юрьева И. С.* Конструкции имамь, хоцю, начьноу с инфинитивом, или так называемое «сложное будущее I», в Житии Андрея Юродивого и в древнерусских летописях старшего периода // Вестник Московского Ун-та. Серия 9: Филология. 2006. № 5. С. 30–42.
- Юрьева 2011 – *Юрьева И. С.* Инфинитивные сочетания с глаголами имамь и имоу в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. 2011. №2 (22). С. 68–88.
- Юрьева 2009 – *Юрьева И. С.* Семантика глаголов имѣти, хотѣти, начати (почати) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв. Дисс. канд. филол. наук. МГУ. М., 2009.

- Andersen 2006 – *Andersen H.* Periphrastic futures in Slavic // Divergence and convergence. Change in verbal systems. Issues in explanation / K. Eksell, T. Vinther (eds.). Bern: Peter Lang, 2006. P. 9–45.
- Ariste 1968 – *Ariste P.* A Grammar of the Votic Language. Uralic and Altaic Series. 68. Bloomington: Indiana University Publ., 1968.
- Benić 2024 – *Benić M.* Contemporary Croatian Future II: a Tense or a Mood? // Zeitschrift für Slawistik. 2024. Bd. 69. № 2. P. 273–302.
- Bybee et al. 1994 – *Bybee J. L., Pagliuca W., Perkins R.* The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Isačenko 1974 – *Isačenko A.* On ‘Have’ and ‘Be’ languages // Slavic Forum. Essays in linguistics and literature / Flier M. (ed.). The Hague: Mouton, 1974. P. 43–77.
- Křížková 1960 – *Křížková H.* Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1960.
- Metslang 1996 – *Metslang H.* The Development of the Futures in the Finno-Ugric Languages // Estonian: Typological Studies I. Ülikooli eesti keele õppetooli toimetised 4 / M. Erelt (ed.). Tartu: Ülikooli Kirjastus, 1996. P. 123–144.
- Movchan 2023 – *Movchan Ya.* Vergleichende Analyse von Tempussystemen in slavischen Sprachen. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2023.
- Rösler 1952 – *Rösler K.* Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im Slawischen // Wiener slawistisches Jahrbuch. 1952. № 2. S. 103–149.
- Wiemer et al. 2024 – *Wiemer B., Hill E., Kölligan D., Linnemeier J.-N.* Between the Birth and Death of Future Tenses: Related Languages as a Natural Lab for Research Into Grammatical Change. München: LINCOM GmbH, 2024.

Yana A. Penkova

Vinogradov Russian Language Institute
of Russian Academy of Science. Moscow, Russia

Constructions with the Verbs *iměti*, *imati* and *jati* in the 13th–14th-century Old Russian Writing in Comparison with Old Serbian

The paper discusses infinitive constructions with the root *im-* (*imu* + infinitive, *imam* + infinitive, *imaju* + infinitive, *iměju* + infinitive) in Old Russian and Old Serbian manuscript monuments of the 13th–14th centuries. Old Russian texts are taken from various East Slavic regions. The cases of mixing between auxiliary

verbs (*imu* instead of *imam'*, *imaju* instead of *imam'* and *iměju*, etc.) are discussed. Possible explanations for such mixing are offered for different dialects. In the South-Western East Slavic dialects, the process of attraction between *iměti* and *jati* began already in the late Old Russian period. Such attraction allowed constructions with *imu* to penetrate into the contexts of apodosis, typical for constructions with *imaju* and *iměju*. The author argues that further grammaticalization of constructions with *imu* in the history of Ukrainian is associated with active interaction with *iměti*. Rare examples of mixing constructions with *imam'*, *iměju* and *imu* in monuments of the Novgorod-Pskov region have a completely different explanation: they arise because constructions with these auxiliaries in the 13th–14th centuries were alien to the Novgorod dialect zone. Constructions with the verb *imu*, known in the East, South and West Slavic languages, had the same distribution in Old Russian and Old Serbian: they were used in dependent clauses (conditional, relative, temporal). These constructions can be classified as a specific type of analytical future: a non-assertive future restricted to dependent clauses.

Key-words: future time reference, grammaticalization, modality, Northwestern Rus', Old Russian, Old Serbian, periphrastic constructions, Southwestern Rus'.